

ТОТЬМА. *

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ ВЪ ТРЕХЪ ПИСЬМАХЪ.

Письмо 1-е.

Пріѣздъ въ Тотму.

— Эй, вы, господа-сони! вставайте-ка, къ Тотмѣ подъѣзжаемъ! — раздался надъ моею головою грубый, неприятный, съ Устюжскимъ пѣвучимъ красноречивымъ голосъ хозяина нашей лодки.

Я проснулся, было свѣтло. Нѣкоторые изъ товарищей, зѣвая и поворачиваясь съ боку на бокъ, казалось, были не очень благосклонны за полу-льстивую рѣчь хозяина-Устюжанина и не имѣли охоты разстаться съ теплымъ своимъ мѣстечкомъ.

Чувствуя свѣжесть воздуха, я накинулъ на себя шинель и вышелъ на палубу, гдѣ уже сидѣли сопутники и прочіе товарищи наши.

— Л...! который часъ? — спросили меня товарищи.—

— Четверть девятого, — отвѣчалъ я.

Я съѣзъ на палубу и любовался прекраснымъ мѣстоположеніемъ и видомъ, который открывался моему взору....

Впереди разстилается Сухона, будто голубая зеркальная дорога, ласкающаяся къ мягкой, пушистой зелени луговъ и окаймленная съ обѣихъ сторонъ темнымъ лѣсомъ: сосны и ели такъ близко растутъ другъ съ другомъ, что, сплетаясь, составляютъ въ иномъ мѣстѣ навѣсы для убѣжища застигнутому бурей... Золотое, жгучее солнце отражалось въ голубоватой поверхности воды, и свѣжій вѣтерокъ чуть лишь подергивалъ ее рябью.

Тамъ, на краю горизонта, гдѣ Сухона перемѣняетъ свое теченіе на юго-востокъ, красуется на высокой горѣ Тотма.

Она издали представляетъ ландшафтъ довольно-красивый: восемь храмовъ Божіихъ, какъ великаны, бѣлѣются надъ городомъ; лучи солнца играютъ на серебристыхъ крестахъ церквей.

Версты за четыре назадъ виднѣются изъ-за лѣса кресты *Дѣдова монастыря*. Дѣдовъ монастырь переименованъ въ 1832 году въ *Пустынь* и причисленъ къ Спасо-Суморину монастырю. Мѣстоположеніе его очень веселое, особенно лѣтомъ: онъ стоитъ среди Сухоны на большомъ островѣ, имѣющемъ въ длину версты полторы и въ ширину около версты. Ниже, не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, есть еще острова: *Бабій* и *Внуковъ*. Каждый годъ на Бабь-емъ островѣ въ Ивановъ день бываетъ гулянье. Сюда съѣзжается и высшее общество Тотемское, и купцы, и мѣщане съ семействами; полсотни лодокъ по всѣмъ направленіямъ разсѣкаютъ тогда Сухону.

Объ этихъ трехъ островахъ ходить въ народѣ странное преданіе, или, лучше сказать, сказка, которую тебѣ, любезный другъ, я хочу передать.

«Дѣдъ, бабка и внукъ бѣжали по Сухонѣ съ верху, съ Вологодскѣй стороны, внизъ къ Тотъмѣ. Они бѣжали, батюшки мои, долго.... устали—то они, душеньки мои (это Тотемское нарѣчіе), да и багетъ дѣдъ своей жень: «Охъ! жена, жена! хошь, какъ хошь, а не могу бѣжать... вишь, мнѣ ноги отказываются... Охъ! онѣ проклятыя! я сильно усталъ, жена... моченьки нѣтъ — такъ сонъ—то и клонить меня. Хоть сюда лечь.... И впрямь сяду—ко я отдохнуть...» Бухнулся онѣ въ воду, по срединѣ рѣки, и на этомъ мѣстѣ сталъ островъ, который и понынѣ носитъ названіе Дѣдова острова.

«Тутъ загорѣвала наша бабка, залилась она слезами, какъ рѣченька быстрая, и, ну, рвать на себѣ волосы, причитая, да присказывая: *«Мой ты миленькой голубчикъ, мое красное солнышко!»* и не хотѣла идти безъ мужа; внукъ попался ей на глаза и она ради его продолжала съ нимъ бѣжать, но не далеко: въ верстѣ ниже дѣда и она упала и превратилась въ островъ....

«Внукъ не хотѣлъ и не смѣлъ больше бѣжать: его брало раздумье и страсть (страхъ): *куда бѣжать? и что онѣ будетъ одинъ дѣлать....* Бросился, зарыдалъ и обратился въ островъ, въ полверстѣ ниже бабки своей...

— *Воно-тко! Бабій-то островокъ, воно-тко, — прибавилъ раскащикъ, указывая рукою на островокъ, въ верстѣ выше насъ, а воно-тко ниже и Внукъ.»*

Вотъ баснословное преданіе объ этихъ трехъ остро-

вахъ, — преданіе, которое не заслуживаетъ вниманія археологовъ, но само по-себѣ показываетъ чрезвычайную гибкость и пылокое воображеніе того, который выдумалъ эту сказку.

Лишь только мы пристали къ берегу у Воскресенской церкви, какъ заблагоувѣстили къ обѣднѣ, сначала въ соборъ, потомъ въ монастырѣ и звуки колоколовъ далеко разносились по водѣ....

Вышедши изъ лодки на берѣгъ, мы были очень рады, что наконецъ попали въ Тотьму: однообразіе путешествія нашего было несносно; въ лодкѣ чрезвычайная тѣснота; отъ того очень часто мы должны были приставать къ берегу, чтобы высадить тѣхъ, которые лучше хотѣли идти по берегу, чѣмъ сидѣть въ лодкѣ, а это замедляло наше плаванье. Теперь мы въ Тотьмѣ — я все забыто.

Стоить подняться на гору — и мы въ городъ; но чтобы это сдѣлать, надо употребить большое усиліе, а особенно это тяжелый трудъ для спутницъ нашихъ, потому что гора высока — сажень около двадцати, и чрезвычайно песчаная: ноги такъ и катятся внизъ по сыпучему песку.

Мы поднялись на гору, прямо противъ Воскресенской и Успенской церквей; немного дальше, по правую руку, въ сторонѣ за ручьемъ, стоятъ Присутственные мѣста — большой каменный двухъ-этажный съ двумя флигелями домъ, выкрашенный желтой краской.

По лѣвую сторону церкви два каменные дома; за ними сажень за 70, на отдѣльной горѣ — соборъ.

Позади насъ, широкая, быстрая Сухона катитъ свои серебряныя струи и теряется вдали. За рѣкой пестрѣютъ крестьянскія избы и рядъ красивенькихъ складочныхъ соляныхъ анбаровъ; немного выше ихъ — кладбище, а тамъ за ними — поля, опоясанныя густымъ, дремучимъ лѣсомъ.

Черезъ часъ мы отправились въ Спасо-Суморинъ монастырь. Проходя городомъ, мы замѣтили нѣсколько церквей и домовъ, разрушенныхъ пожаромъ. Бывшій лѣтъ десять тому назадъ пожаръ опустошилъ весь городъ; жители его не могли ничего вынести изъ домовъ и остались въ томъ, въ чемъ успѣли убѣжать отъ разрушительныхъ дѣйствій пожара. Теперь они немного обстраиваются: новенькіе, большею частію на *тройничкахъ* домики составляютъ широкія, длинныя улицы.

Когда мы шли по рынку, раздался величественный говоръ колоколовъ въ соборѣ и вслѣдъ за тѣмъ показались священныя хоругви и образа, за которыми шли священнослужители и народъ. На рынокъ такой шумъ, что чуть не заглушаетъ звонъ колоколовъ: болтуни-торговки перебиваютъ одна у другой покупателей квасу и булокъ.....

Когда народъ, слѣдовавшій за крестнымъ ходомъ, поравнялся съ нами, я спросилъ у одного сѣдаго старика, который плелся на костыляхъ, не отставая отъ другихъ:

— Куда это, дѣдушка, идутъ крестнымъ ходомъ?

— Къ празднику, голубчикъ мой; тамъ служить самъ Архимандритъ — отвѣчалъ онъ.

Множество народа слѣдовало за крестнымъ ходомъ. Молодыя крестьянскія дѣвушки были въ красныхъ сарафанахъ и

въ платкахъ самаго яркаго цвѣта; длинная коса, спускавшаяся ниже тали и - заплетенная красивой, шелковой ленточкой, довершали нарядъ деревенскихъ красавицъ.

Священные хоругви и образа были внесены въ церковь Юанна Крестителя; намъ хотѣлось зайти въ церковь, но ужасная тѣснота заставила насъ оставить наше желаніе; сотни народа стояли на паперти и на улицѣ....

Товарищи мои и я отправились въ монастырь Феодосія Тотемскаго поклониться нетленнымъ мощамъ его и излить сердечную молитву.....

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТОТЬМА.

(Продолженіе.)

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

**Спасо-Сумеринъ монастырь. Житіе Преподобнаго Оседесія
Тотемскаго.**

Съ большой дороги, ведущей изъ города въ Спасо-Сумо-ринъ монастырь, онъ кажется на днѣ огромнаго блюда; потому что Тотьма и окрестности ея стоятъ на высокомъ мѣстѣ, а монастырь на низкомъ.

---

* *Тлеттае* — собственно значить *теплым ванны* — такъ назывались многіе памятники въ Римѣ; къ этому названію всегда прибавлялось имя того императора, который сооружалъ ихъ.

Когда мы подходили къ монастырю, я остановился на пригоркѣ, саженьхъ въ пятидесяти отъ монастырскихъ воротъ. Внизу у ногъ моихъ, журча и сверкая, бѣжитъ съ сѣвера Ковда и сливается на юговосточномъ углу монастыря съ рѣчкой Песья-дѣнга. Прямо раскинута была лента ограды, надъ которой возвышаются кельи иноковъ; за ними виднѣются церкви, на крестахъ которыхъ играютъ солнечные лучи, а по угламъ монастырской стѣны довольно высокія башни.

Мы спустились съ пригорка по широкой дорогѣ къ монастырю; перешли небольшой мостъ черезъ Ковду и вотъ мы уже въ оградѣ.

По лѣвую сторону, тянется длинное строеніе монастыря: это кельи; на правой же строится каменное одноэтажное зданіе, слишкѣмъ на шестидесяти саженьхъ: это гостинницы для богомольцевъ.

Прямо передо мной высокая колокольня, неуступающая въ высотѣ многимъ извѣстнымъ колокольнямъ въ Россіи: высота ея 35 сажень; смотрю вверхъ и едва вижу мелькающій крестъ ея.

Мы пошли на самый дворъ монастыря: по правую руку длинное каменное съ мезониномъ строеніе — кельи иноковъ, а по лѣвую еще длиннѣе и обширнѣе — кельи иноковъ и Архимандрита. Дворъ монастырскій обширенъ и чистъ: все въ величайшемъ порядкѣ.

Литургія совершается въ Вознесенской церкви; крутая, широкая изъ бѣлаго камня лѣстница ведетъ въ нее; церковь красивой архитектуры.

Признаться сказать — не безъ тайнаго томленія сердца и не безъ нѣкотораго страха: я вступилъ въ это хранилище, святыни, столь пролавившейся чудесами въ здѣшней сторонѣ и столь драгоцѣнной для насъ.

Литургію совершалъ одинъ гизъ іеромонаховъ; самого архимандрита не было.

Мы слушали обѣдню; намъ особенно понравилось монастырское пѣніе: оно такъ уныло; такъ хорошо, что хочется плакать.

Одинъ изъ послушниковъ, недавно кончившій курсъ въ семинаріи, читалъ проповѣдь, кажется, Иннокентія; изъ глазъ крестьянъ падали на лица слезы умиленія, а женщины чуть не всхлипывали; онъ утиралъ глаза своими передниками. Какъ трогательна подобная картина! Простой, необразованный народъ нашъ сильно чувствуетъ въ душѣ благодарности къ Тому, Кто далъ ему жизнь, хотя не въ состояніи бываетъ иногда передать этого чувства словами.

Обѣдня кончилась и мы вошли въ предѣлы Феодосія, отслужить молебенъ.

Моги его почиваютъ открыто, въ серебряной рацѣ, на высокомъ мѣствѣ, на южной сторонѣ предѣла во имя этого угодника. Передъ ракою, въ нишѣ за стекломъ, чудотворная икона *Божіей Матери*, называемая Суморинскою; риза ея унизана жемчугомъ и другими драгоцѣнными камешками. Эта икона принесена самимъ Феодосіемъ, изъ Прилуцкаго монастыря, отстоящаго отъ Вологды, въ 3-хъ верстахъ.

Въ благоговѣйномъ безмолвіи слушалъ я молебенъ; унылый голосъ священно-инока раздавался въ сводахъ храма.

По окончаніи молебна, я подошелъ къ святымъ, неотън-нымъ мощамъ Препод. Θεодосія и почувствовалъ какой-то страхъ и неизъяснимый трепеть сердца. Наконецъ я осмѣлился приложиться къ его священной рукѣ моими грѣшными устами. Чтѣ я чувствовалъ тогда и какія впечатлѣнія наполнили мою душу, я не въ силахъ передать тебѣ, любезный другъ....

Было свѣтло и легко на душѣ, я стоялъ уже съ минуту, наклонившись къ мощамъ; но снова раздавшійся голосъ священника вывелъ меня изъ этого пріятнаго положенія. Я помолился у мощей съ теплою вѣрою о Благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ Николаѣ Павловичѣ и Августѣйшемъ его семействѣ; потомъ мы пошли осматривать пріятельности монастыря.

Церковь, въ которой почиваютъ мощи Θεодосія, называется *Вознесенскою*. Въ ней пять придѣловъ: главный во имя *Вознесенія Господня*; свѣрный придѣлъ Преподобнаго Θεодосія; южный Тихвинской Божіей Матери; при входѣ въ церковь въ трапезѣ, съ правой стороны, придѣлъ Николая Чудотворца, съ лѣвой Петра Митрополита Московскаго и всея Россіи Чудотворца.

У казначея получили мы по образу Θεодосія и по картинкѣ «Видъ монастыря» и вышли изъ церкви.

Спускаясь по лѣстницѣ, на правой рукѣ въ стѣнѣ, видишь дверь, ведущую въ пещеру, гдѣ подвизался Θεодосій. Не безъ душевнаго волненія и страха вошли мы въ нее; насъ обдало холодомъ, какъ изъ погреба: сюда не проникаютъ лучи солнца. Пещера представляетъ темную, каменную, въ

квадратную сажень палатку — если такъ можно выразиться, — куда сивозъ маленькое отверстие едва проливается слабый свѣтъ. Въ срединѣ пещеры стоитъ большой деревянный крестъ, поставленный, какъ говорятъ, самимъ Θεодосіемъ. При пещерѣ маленький предѣлъ во имя всѣхъ Чудотворцевъ Вологодскихъ; иконостасъ стариннаго письма.

Жизнь Θεодосія я читалъ въ его житіи; кромѣ того слышалъ въ Вологдѣ нѣкоторыя преданія объ немъ.

Θеодосій Суморинъ родился около 1500 года въ городѣ Вологдѣ, въ княженіе Іоанна III Васильевича, дѣда Грознаго. Отецъ и мать его были люди благочестивые и добродѣтельные; они горячо любили его, какъ единственнаго сына, которымъ Богъ наградилъ ихъ, и воспитывали его въ страхъ Божию; сѣмена попеченій родительскихъ пали не на бесплодную почву.

Жилище этого Богобоязненнаго семейства была уединенная хижина, на болотистомъ мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ окруженная лѣсомъ; но трудами своими они высушили болото, завели огородъ, вырубилъ лишній лѣсъ и устроили нѣчто въ родъ садика. На этомъ мѣстѣ, говоритъ преданіе, теперь *Духовъ Монастырь*. Θεодосій былъ кротокъ, смиренъ, ни съ кѣмъ не ссорился, не любилъ игръ и шутокъ. По достиженіи совершенныхъ лѣтъ, родители женили его, безъ согласія съ его стороны, и онъ не смѣлъ противорѣчить имъ. Отъ брака родилась у него дочь, которую выдалъ онъ замужъ за одного Вологжанина.

Когда родители и жена его померли, а дочь была пристроена, онъ оставилъ домъ свой, и пришелъ въ Прилуц-

кій монастырь, гдѣ и былъ постриженъ въ монахи. Братія любили Феодосія за его прямодушіе и кротость; онъ обратилъ на себя вниманіе даже самого Игумена, который въ послѣдствіи послалъ его, какъ самаго благонадежнаго человека, въ Тотьму для присмотра надъ солеварнями, которыми владѣлъ тогда Прилуцкій монастырь.

Соляные источники здѣсь открыты въ XI столѣтіи Новгородцами, которыхъ господство распространилось почти до Уральскихъ горъ.

Граждане Тотьмы любили Феодосія за его добродѣтельную жизнь; онъ былъ имъ другомъ и совѣтникомъ въ скорбяхъ и печаляхъ, а работникамъ — отцомъ и благодѣтелемъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Феодосій испросилъ себѣ позволеніе у Игумена Прилуцкаго построить монастырь близъ Тотьмы. Онъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ соединяются Ковда и Песья-деньга (*), устроилъ тамъ пещеру и день и ночь при свѣтѣ лучины проводилъ въ молитвѣ.

Тотьмичи часто приходили къ нему за совѣтами и благословеніемъ. Ктотни обращался къ нему съ просьбою, всякой находилъ въ немъ утѣшеніе, и никто изъ пещеры его не выходилъ въ слезахъ; за то они помогали ему, чѣмъ могли, и по просьбѣ его испросили позволенія у Царя Іоанна Васильевича Грознаго построить монастырь во имя Преображенія Господня; настоятелемъ этого монастыря былъ Феодосій Суморинъ.

(*) Ковда — перебрести, перейти ручей по колѣно. Песья — перешагиваюсь, кое-какъ веду свои дѣлашки. Песья-деньга — деньжонками перешагиваюсь.

Феодосій построилъ деревянную, церковь и келии, въ 1554 г.; монастырь сталъ наполняться братією и мало по малу устроиваться. Феодосій велъ жизнь самую строгую, носилъ желѣзныя вериги, которыя наконецъ вѣзались въ его тѣло; при концѣ жизни принялъ схиму и съ миромъ отошелъ къ Богу въ глубокой старости, 28-го января 1568 въ годъ освященія Вологодскаго Успенскаго Собора, оставивъ послѣ себя монастырь въ хорошемъ состояніи.

При перестройкѣ церкви въ 1796-мъ году, 2-го сентября открыты были мощи Преподобнаго. Послѣ многочисленныхъ чудотвореній, по удостовѣреніи въ святости его, последовало окончательное признаніе его Церковью, въ великѣ святыхъ 21-го декабря 1798 г., въ царствованіе Императора Павла I-го:

Въ монастырь Суморинскомъ празднуется, 28-го января, память преставленія его: до начатія литургіи св. мощи Феодосія обносятся братією вокругъ монастыря, при звонѣ колоколовъ и многочисленномъ стеченіи, гражданъ города, крестьянъ изъ окрестныхъ деревень и богомольцевъ, изъ далекихъ уѣздовъ и губерній.

2-е сентября бываетъ крестный ходъ изъ Богоявленскаго собора въ монастырь, въ память обрѣтенія св. мощей Преподобнаго Феодосія. Въ монастырь теперь я въ четвертый разъ; третьяго года я былъ здѣсь 1-го сентября, на канунъ праздника въ этой обители.

Любезный другъ, если придется тебѣ когда-нибудь побывать въ Тотмѣ, сходи непременно поклониться мощамъ Преподобнаго Феодосія. Уже подходя къ монастырю, ты

почувствуешь, что въ душѣ твоей становится свѣтло и какъ будто она трепещеть.

Мы вышли изъ пещеры и долго бродили по монастырскому двору, потомъ взошли на колокольню, которая господствуетъ надъ окрестностію, и очень устали: не шутка пройти 16 лѣстницъ (220 ступеней). Я говорилъ уже раньше о высотѣ колокольни: она имѣетъ 4 этажа; во второмъ — церковь Іоанна Златоустаго.

Видъ съ верхняго этажа очень хорошъ: на востокъ, въ верстѣ по прямой линіи, какъ на ладони Тотьма, за которой голубою лентою тянется Сухона, къ югу синева лѣсовъ и тамъ далеко на краю горизонта, верстѣ за 15, подымается дымъ клубами — это въ Леденскомъ солотоваренномъ заводѣ. На сѣверъ, отъ монастыря въ 2 верстахъ, обширный и красивый солотоваренный заводъ купца Кокарева. Тамъ я былъ прошлаго года, купался, пилъ соляную воду изъ трубъ; она холодна и здорова; при заводѣ находится конскій заводъ: лошадей около 200, если не больше, красивые, статныя.

На западъ и сѣверо-востокъ холмы, желтѣющія поля и видны кое-гдѣ деревни.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ТОТЬМА.

(Окончаніе.)

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

О проѣздѣ Петра Великаго черезъ Тотьму.

Мы оставили обитель Феодосія уже во второмъ часу и поспѣшили на лодку, гдѣ насъ давно ожидали.

Черезъ два часа лодка наша неслась въ 5 верстахъ отъ Тотьмы къ Устьюгу по зеркальной поверхности Сухоны. Живописны крутые берега ея, поросшіе столѣтними соснами, елями и березами, и разнообразны ихъ зелень и виды. На высокой горѣ, подмываемой быстрою Сухоною, красуется Тотьма; высокія колокольни церквей, утопая въ синевѣ неба, представляютъ что-то прекрасное, священное; солнечные лучи искрятся на главахъ и крестахъ ихъ.

Мы взяли направо, и Тотьма скрылась отъ насъ за лѣсомъ.

Тотьма и ея окрестности были посѣщаемы Петромъ Великимъ. Нѣсколько разъ онъ здѣсь бывалъ проѣздомъ въ Архангельскъ и Соловецкій монастырь; въ первый разъ въ юль 1693 года, будучи еще 20 лѣтъ.

Въ 8-ми верстахъ отъ Тотьмы находится *Лось-камень*, драгоцѣнный памятникъ Петрова пребыванія, мимо котораго мы теперь плывемъ. Вотъ преданіе, которое мнѣ разсказалъ одинъ почтенный старичекъ:

Въ первыхъ годахъ 18-го столѣтія Петръ Великій посѣтилъ Тотьму, чтобы поклониться Суморинской чудотворной иконѣ Божіей Матери.

Былъ іюнь мѣсяцъ: погода стояла прекрасная... Въ одинъ изъ такихъ дней, съ трехъ часовъ утра, въ Тотьмѣ шла суматоха. Струги, приготовленные для отъезда Государя со свитой (которая состояла болѣе чѣмъ изъ 50 человекъ) въ Архангельскъ, были уже готовы къ 6 часамъ. Стругъ Государя былъ больше другихъ, но безъ всякихъ украшеній. На берегу около деревяннаго дома, гдѣ остановился Государь, и вокругъ церкви, гдѣ слушалъ раннюю литургію, было безчисленное множество народа, который пришелъ, чтобы хотя взглянуть только на батюшку—Царя Петра Алексѣевича и на свѣтлыя Его очи.

По окончаніи литургіи и напутственнаго молебствія, громгласное, радостное «ура!» возвѣстило о прибытіи Государя въ сопровожденіи духовенства и гражданъ на пристань, нарочно для этого устроенную.

Государь, взявъ благословеніе отъ архимандрита Суморинскаго, поблагодаривъ гражданъ за хлѣбъ-соль и простившись съ ними, вошелъ въ шлюбку, сопровождаемый Царевичемъ и приближенными боярами и князьями: Голицынымъ, Прозоровскимъ и другими **; помолился церквамъ, поклонился православнымъ своимъ дѣткамъ, и — повздъ тронулся.

* Исторія Петра Вел., *Полваго*. — Тоже, *Бермана*.

** См. «Соловецкая лѣтопись», «Исторія Россіи», *Полваго* и «Сѣверная Двина» (въ Забѣдочѣ), *Верещагина*.

Вышли на середину рѣки и флагъ развернулся на мачтѣ Государевой шлюбки. Оба берега были усыпаны народомъ, который слѣдовалъ берегами и на лодкахъ за Государевымъ поѣздомъ, оглашая берегъ громкимъ Русскимъ ура!

Проѣхавши версть 8, достигли наконецъ *Лось-камень* и остановились на берегу, расплоскавъ на мягкой травѣ позавтракать. Разложили огонь и вынесли изъ лодки *походные чайники* кипятить воду, а Государь съ Царевичемъ, князьями Голицынымъ, Прозоровскимъ и Меншиковымъ сѣли въ лодку и отплыли къ камню, отстоящему отъ берега саженьяхъ въ двадцати. Бышли на камень, площадь котораго имѣла болѣе квадратной сажени; глубина рѣки въ этомъ мѣстѣ сажени полторы. Государь приказалъ принести изъ шлюбки ковры, которые и постлали на камнѣ. Пока занимались разговорами, принесли чай, который на чистомъ воздухѣ по серединѣ рѣки вѣроятно показался вкуснѣе обыкновеннаго, потому что Петръ Великій говорилъ, что Онъ никогда съ такимъ аппетитомъ не пилъ чаю. Послѣ подкрѣпили силы мальвазіею и дорожнымъ завтракомъ. Незабвенному Государю очень понравилось это мѣсто и Онъ пробылъ здѣсь съ часъ времени.

Можно-ли не задуматься при мысли, что тутъ на камнѣ, среди рѣки, подъ открытымъ небомъ, нѣкогда съ такимъ удовольствіемъ завтракалъ Великій Петръ съ своимъ сонмомъ вельможъ?....

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ читали на этомъ камнѣ надпись о пребываніи Петра, будто бы имъ самимъ вырванную; теперь не видно ни одной буквы. Рассказываютъ, что

весною большая льдина неслась съ ужасною быстротою, на-скочила на камень и оторвала половину его, къ несчастію ту, на которой была надпись. На оставшейся части камня свободно могут помѣститься пять человекъ.

Въ 7-мъ часу вечера, когда золотистые лучи солнца сіяли на насъ изъ-за вѣтвистыхъ деревьевъ и отражались въ водахъ Сухоны; мы плыли въ 20 верстахъ отъ города, противъ Старой Тотьмы, гдѣ видны каменная церковь и два, три крестьянскіе домика.

Преданіе говоритъ, что здѣсь была прежде Тотьма; но этого допустить нельзя, потому что настоящая Тотьма была до временъ Грознаго у соловареннаго завода г. Кокарева, близъ церкви Богослова, въ 2-хъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ она стоитъ теперь.

Тотьма въ правленіе Елены, матери Грознаго, и въ малолѣтство его самого, часто бывала жертвою опустошеній Татаръ и разныхъ бродягъ, отъ чего, можетъ быть, жители переселились на нынѣшнее мѣсто, какъ болѣе удобное, и представлявшее болѣе преградъ опустошителямъ: съ одной стороны крутые, высокіе берега Сухоны, съ запада — Ковда, съ востока — глубокой оврагъ дѣлали положеніе осажденныхъ въ городѣ менѣе опаснымъ....: Тотьма много пострадала въ началѣ 17-го столѣтія отъ Поляковъ **, Литовцевъ, Казаковъ и разныхъ бродягъ.

Зырянинъ І. С. Л.

Вологда, 1852 г. декабря.

* Ист. Гос. Рос. Карамзина.

** Статья Соловьева въ первыхъ № № Современника 1852 г.